

СЛОВО

въ день памяти Св. Мученицы Царицы Александры и тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны (23 апрѣля 1916 года).

(Женщина на служеніи родинѣ въ годину тяжкаго испытанія).

Господь сотворитъ на землю нечто новое: жена спасетъ мужа (Иерем. XXXI, 22.).

Такое слово, братіе, изрекъ нѣкогда великій пророкъ Божій въ тяжкія для ветхозавѣтнаго Израиля времена предъ наступленіемъ вавилонскаго плѣненія—въ утѣшеніе народу Божію. Въ то время, когда воинская сила Израиля оскудѣвала, и надъ самымъ существованіемъ висѣлъ мечъ грознаго и сильнаго врага, пророкъ указываетъ народу Божію на нѣкоторую особенную силу—правственную, которая явится орудіемъ спасенія Израиля: не крѣпость мужа, а нравственная доблесть жены спасетъ Израиля. Богопросвѣщенный взоръ пророка Божія при этомъ устремлялся гораздо дальше событий плѣна и ближайшихъ къ нему и созерцалъ спасеніе всего человѣчества Рожденнымъ отъ Жены (Гал. IV, 4). И вдохновенное слово пророка сбылось и въ ближайшемъ и въ отдаленнѣйшемъ смыслѣ, явивъ въ томъ и другомъ случаѣ торжество нравственной силы духа надъ вѣшною силою міра.

Въ переживаемыя нами, братіе, трудныя времена жестокой, кровопролитной и длительной войны, когда враги наши открыто стремятся „погубить насъ и разорить святыни наши“, а мы, воспитанные Православною Церковію, и въ самой войнѣ желаемъ оставаться христіанами и ежедневно исповѣдуемъ, что „не на лукъ нашъ мы уповаемъ, ни оружіе наше спасетъ насъ“, но прежде и болѣе всего всемогущая сила и помощь Божія, и наша нравственная правота во во всей этой войнѣ, намъ особенно свойственно искать нравственнаго оплота, нравственной опоры и поддержки, въ той духовно-нравственной силѣ, о которой говоритъ пророкъ Божій: *Господь сотворитъ на землю нѣчто новое: жена спасетъ мужа*. Особенно же въ сей нарочитый день памяти Св. Мученицы Царицы Александры и тезоименитства нашей Государыни благовременно остановиться своею мыслию на той нравственной мощи, которую доставляютъ нашему народу высшія качества женской природы, освященные христіанствомъ и Церковію.

Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ,—въ то время какъ въ язычествѣ всюду царило угнетеніе женщины,—Богоспросвѣщенными мужами во всей ясности было понято высокое значеніе женщины для семьи, общества и цѣлаго народа. Какъ супруга и соучастница мужа въ трудѣ жизненномъ и особенно въ воспитаніи дѣтей, какъ мать съ ея крѣпкою любовью къ каждому изъ дѣтей, какъ распорядительная хозяйка и блюстительница всего достоянія мужа, женщина выступаетъ здѣсь въ привлекательномъ свѣтѣ. Премудрый слагаетъ восторженную пѣснь добродѣтельной женѣ: „Кто найдетъ добродѣтельную жену? цѣна ея выше жемчужовъ. Увѣрено въ ней сердце мужа ея, и онъ не останется безъ прирѣтка. Она воздастъ ему добромъ, а не зломъ, во всѣ дни жизни своей. Добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками... Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и—свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью... Крѣпость и красота

одежда ея, и весело смотреть она на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростію, и кроткое наставленіе на языкѣ ея. Она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домѣ своемъ, и не ѣсть хлѣба праздности. Встаютъ дѣти, и ублажаютъ ее, мужъ и хвалятъ ее“ (Притч. XXXI, 10—13. 18. 25—29). Но особенно сильными чертами изображается материнская любовь къ дитяти: это—единственная въ области человѣческихъ отношеній сила, съ которою только можетъ быть сравниваема любовь Божія къ Своему народу. Въ слѣдующихъ словахъ, которыя нельзя читать или слышать безъ глубокаго душевнаго волненія и умиленія, Господь у пророка изображаетъ силу и постоянство Своей любви къ Сіону, къ ветхозавѣтному Царству Божію вообще: „Забудеть-ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя“ (Ис. XLIX, 15). При такой высотѣ нравственной личности женщины по ветхозавѣтному представленію, понятно то нравственно-воспитательное вліяніе, какое усвоится женщиной матери наравнѣ съ отцомъ: „Слушай, сынъ мой, наставленіе отца твоего, и не отвергай заветъ матери твоей“ (Притч. 1, 8), неоднократно поучаетъ Премудрый.

Если же и въ Ветхомъ Завѣтѣ столь возвышенными чертами рисуется нравственное достоинство истинной женщины, то въ Новомъ Завѣтѣ оно впервые выступаетъ въ полномъ свѣтѣ и во всей силѣ. Только христіанство признало и утвердило достоинство человѣка, какъ человѣка, выше всѣхъ правъ, опредѣляемыхъ внѣшними условіями жизни, и указало совершенно новое содержаніе нравственнаго совершенства. Прежнія языческія добродѣтели — мужество, храбрость, внѣшняя сила и под. смѣняются нравственными добродѣтелями, каковы: вѣра, любовь, смиреніе, терпѣніе и под. Сообразно съ тѣмъ женщина оказалась не только вполне способною удовлетворять такому образцу добродѣтели и совершенства, но по своей природѣ, можетъ быть, даже по пре-

VIII ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

имуществу подходящею подъ этотъ образецъ. Христіанство возвѣстило новую истину, что „о Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій, вси бо едино“ (Гал. III, 28). Оно поэтому призываетъ женщину наравнѣ съ мужчиною къ дѣятельному участию въ созданіи и обновленіи жизни во Христѣ и въ Его Церкви. И вся исторія Христіанской Церкви, начиная отъ временъ Евангельскихъ, свидѣтельствуетъ о возможности и дѣйствительности широкаго и разнообразнаго участія женщины въ жизни Церкви въ ея многократныхъ проявленіяхъ. Просвѣщенія свѣтомъ Евангелія и исполненныя силы духовной, благочестивыя жены, соревнующія святымъ мужамъ, совершали великіе и изумительные подвиги: наприциѣ евангельскаго благовѣстія, уподобляясь Апостоламъ и мужамъ равноапостольнымъ, — въ трудахъ и лишеніяхъ высокаго подвижничества, поста, молитвы, покаянія, въ подвигахъ дѣятельной любви и благоговѣтельности, — въ высочайшихъ подвигахъ исповѣдничества и страданія за истину Христову, — всюду опѣ сіяютъ неземнымъ свѣтомъ Христовымъ наравнѣ съ представителями мужеской половины рода человѣческаго. Такова, напримѣръ, была ублажаемая нынѣ Св. Церковію Св. Мученица Царица Александра, въ своемъ исповѣдничествѣ и мученичествѣ за Христа послѣдовавшая Св. Великомученику Георгію. И эти подвиги святыхъ женъ особенно удивительны влѣдствіе того, что женщина по природѣ все-таки есть „сосудъ немощнѣйшій“ (I Петр. III, 7) въ сравненіи съ мужчиною. „Когда вы видите, — говоритъ извѣстный проповѣдникъ и учитель нашей церкви, — высокую и сильную доблесть въ лицѣ мужа. (то) вы не столько удивлены, сколько удовлетворены, найдя исполнѣ то, чего можно было ожидать и требовать отъ сей природы. Но когда такую же доблесть встрѣчаете въ немощномъ естествѣ женѣ, ваше ожиданіе превышено, и вы не только довольны, но и удивлены. Напримѣръ, смотря на Іакова, который, чтобы утишить несправедливую вражду брата, добровольно

осуждаетъ себя на изгнаніе изъ родительскаго дома, и, не взявъ съ собою ничего изъ наслѣдства богатаго отца, съ однимъ странническимъ посохомъ идетъ въ отдаленную сторону, безъ сомнѣнія, съ чувствомъ удовлетворенія скажете вы: это великодушно, это достойно сына Исаакова, внука Авраамова. Но когда посмотрите на Руевъ, которая, по любви къ свекрови, безпомощной иноплеменницѣ, и по уваженію къ ея добродѣтели, рѣшается оставить свое родство, и отечество, и, будучи самою Ноеминою удерживаема огь сего труднаго и, повидимому, безнадежнаго подвига, не колеблется..., при видѣ сей мужеской въ женѣ крѣпости духа, сего восторга добродѣтели, вы не только довольны, но и удивлены и тронуты“¹⁾.

Но объединившись и равняясь съ мужескою половиною человечества въ дѣлѣ совершенія добра въ благодатномъ Царствѣ Христовомъ, женщина-христіанка не перестаетъ сохранять и отображать въ своей дѣятельности природныя особенности, собтвенно ея полу присущія, но облагороженныя христіанскимъ впливіемъ. Въдѣ званіе христіанское и благодать Божія не подавляютъ и не уничтожаютъ и природныхъ свойствъ женской души и природы въ ея отличіи отъ мужеской. Напротивъ, эти природныя особенности женщины въ христіанствѣ получаютъ высшее благодатное освященіе и, въ свою очередь, служатъ къ болѣе полному воплощенію христіанства въ жизни человечества. Какъ супруга, женщина-христіанка проявляетъ беззавѣтную вѣрность и самоотверженную преданность мужу во имя святости брачнаго союза; какъ хозяйка дома, она является олицетвореніемъ порядка домашней жизни; какъ мать, она проявляетъ и осуществляетъ ни съ чѣмъ несравнимую безкорыстную любовь къ дѣтямъ; наконецъ, движимая живымъ чувствомъ обще-

¹⁾ Митр. Москов. Филаретъ. Слова и Рѣчи, т. V (изд. 1885 г.), стр. 193.

ственного долга, она способна на самоотверженные подвиги для страждущих членов общества, особенно въ тяжкія години народнаго испытанія. Въ настоящую длительную войну, напри- мѣръ, служеніе женщинъ въ качествѣ сестеръ милосердія дало не мало случаевъ высокаго самоотверженія дѣятельной любви къ страждущимъ воинамъ нашимъ, и немало извѣстно о жертвахъ долга среди этихъ подвижницъ милосердія, своею смертію запечатлѣвшихъ высокій подвигъ христіанской любви. А кто измѣритъ бездну горя и море слезъ, пролитыхъ безчисленными матерями о нашихъ доблестныхъ вождяхъ и воинахъ, на брани подвизающихся? Кто равнымъ образомъ исчислитъ тѣ горячія молитвы за нихъ, которыя ежедневно несутся изъ материнскихъ сердецъ къ престолу Владыки жизни и смерти о сохраненіи и спасеніи доблестныхъ сыновъ родины? Въ совершеніи подвиговъ вѣры и благочестія женщина нерѣдко предваряетъ и превосходитъ мужа, такъ какъ дѣло вѣры и благочестія коренится въ сердцѣ и питается сердечною теплотою благоговѣнія и молитвы; лишь женское сердце способно дать жизнь и теплоту въ той священной области вѣры, гдѣ мужской разсудокъ можетъ породить холодъ и мертвенность.

Вотъ, братіе, тѣ нравственныя силы, которыя всегда присущи женской половинѣ нашего, христіански воспитаннаго народа, и которыя теперь, подъ давленіемъ великой опасности отъ враговъ нашихъ, приведены въ особенное оживленіе и призваны къ дѣятельности могучею волею нашего Государя и направлены благотворнымъ примѣромъ Государынь Императрицъ. Да проникнутся и всѣ сыны и дщери нашего народа священными завѣтами, внушаемыми этими нравственными силами!

Одинъ ученый воюющей съ нами народности (Моммсенъ) высказалъ мысль, что славянскія племена по особенностямъ душевнаго склада напоминаютъ женщинъ, имѣютъ какъ-бы женскую душу въ отличіе отъ мужеской души германцевъ.

Конечно, это было сказано не въ похвалу славянамъ, а для вящаго прославленія германцевъ и лишь своеобразно выражало ходячее у враговъ нашихъ убѣжденіе: „Германія выше всего“.

Однако мысль эта заслуживаетъ нашего вниманія, а, съ извѣстными ограниченіями, и принятія, поскольку дѣйствительно отмѣчаетъ преимущественную мягкость, великодушіе и склонность къ состраданію и къ смиренной вѣрѣ славянской души, въ сравненіи съ незнающими жалости и горделиво возносящимися на Самого Бога германцами. Отъ ихъ ярости да защититъ Господь отчизну нашу—Русь Святую! „Не спасется царь множествомъ воинства; исполина не защититъ великая сила. Ненадеженъ конь для спасенія, не избавитъ великою силою своею. Вотъ, око Господне надъ боящимися Его и уповающими на милость Его... Да будетъ милость Твоя, Господи, надъ нами, какъ мы уповаемъ на Тебя“ (Пс. 32, 16—18. 22). Аминь.

Прот. Ал. Глаголевъ.